

поступке. Совершая поступок, человек постоянно должен быть убежден в своей правоте, и эта совершенно необходимая для достижения жизненного успеха уверенность в себе как раз и обеспечивается постоянным согласованием единичных действий с собственной жизненной философией»²⁸⁰.

Итак, обобщая результаты исследовательской работы совместно со студентами БФ ПНИПУ, отражающей тему жизни и смерти, отмечаем динамику: переход к пассивности, смирению находит отражение в средствах массовой информации. Однако больше половины молодых березниковцев-участников социологических опросов, проявляя активность и осознание своей нужности городу, могут быть отнесены к представителям интегрального подхода, для которого близость смерти может стать ресурсом жизни.

Сколько бы ни обвиняли современную молодежь в прагматизме и отсутствии четких жизненных ориентиров, реальность оказывается много богаче любых стигматов и ярлыков. Вот уж кого трудно заподозрить в излишней созерцательности, так это современных студентов, в особенности тех, кто выбирает своим будущим технические, инженерные специальности. Однако именно с этими студентами в течение целого ряда лет, на примере обобщения очень конкретных (и в силу этого – острых) примеров из жизни города Березники, мы прикасались к самым предельным философским понятиям Жизни и Смерти.

ЧЕЛОВЕК КАК ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ФЕРНАНДО ПЕССОА

Е. С. Тейтельбаум

Одним из следствий кризиса рациональности, имевший место в конце XIX – начале XX века, стало фактическое нивелирование границ между философией и литературой, в результате чего в поле историко-философских исследований стало возможным включить также и художественный текст и говорить о так называемой «поэтической» философии – философии, существующей в пространстве литературы. Особенно свойственен этот выход в «пространство литературы» был для антропологической философии, так как, по мнению многих мыслителей, проблема человека, изменчивость человеческой жизни, не может быть осмыслена в статичных понятиях строгой науки и требует иных средств выражения, которыми располагает художественное творчество, в частности – литература,

²⁸⁰ Перцев А. В. Мысли о менталитете и целостности национальной культуры, навеянные картинами Г. Климта // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 112. № 1. С. 18–30, 24.

позволяющая проникнуть в изменчивость, временность, множественность и фрагментарность человеческой жизни.

Предметом нашего анализа будет антропологическая философия португальского мыслителя Фернандо Пессоа (1888–1935). Фернандо Пессоа – крупнейший португальский поэт, «поэт-мыслитель», как он сам себя называл, по выражению Антонио Табуки, – одна из самых загадочных фигур в европейской культуре XX века, привлекающая внимание огромного числа европейских и американских исследователей, но, к сожалению, пока мало известная в России. На русский язык переведено ничтожно мало текстов Пессоа, перевод самого крупного его произведения впервые был опубликован лишь в марте 2016 г.

Пессоа писал как от своего имени, так и от имени четырех своих гетеронимов: вымышленных авторов, своего рода воплощений различных сторон личности Пессоа. Помимо четырех основных (Альберто Казйро, Алваро де Кампуш, Рикардо Рейса и полугетероним Бернардо Соареш), исследователи на сегодняшний день насчитывают 136 вымышленных авторов, писавших на португальском, английском, французском языках, каждый – со своей биографией, поэтикой и философией. Они вступали друг с другом в дискуссии, организовывали эстетические направления, переводили, комментировали и критиковали тексты друг друга.

Антропологическая тематика являлась одной из важнейших для всех гетеронимов Фернандо Пессоа. Проблема животной природы человека, главным образом, затрагивалась португальским поэтом-философом как в собственно философских заметках, так и в произведениях двух вымышленных авторов, наиболее близких Пессоа: в «Книге непокоя» полутетеронима Бернардо Соареша и в текстах таинственного барона де Тейве – рационалиста, разочаровавшегося в силе разума и увидевшего единственный выход в самоубийстве.

Так, Бернардо Соареш отмечал, что человека часто определяют через противопоставление животному, поэтому «в определениях человека часто используются такие выражения: “человек – это такое-то животное”, “человек – это животное, которое...” и так далее. “Человек – больное животное”, говорил Руссо, и отчасти был прав. “Человек – разумное животное”, говорит Церковь, и отчасти она права. “Человек – это животное, которое пользуется орудиями”, говорил Томас Карлейл, и отчасти был прав»²⁸¹. Однако, полагает Соареш, эти и другие подобные определения всегда несовершенны и однобоки по одной простой причине: отличить человека от животного непросто, нет четкого критерия, в соответствии с которым это можно было бы сделать. Человеческие

²⁸¹ Pessoa Fernando. Livro do Desassossego. São Paulo: Editora Schwarcz, 2008. P. 235.

жизни, пишет он, протекают в такой же внутренней неосознанности, что и жизни животных. Инстинктами животных и разумом человека управляют те же глубинные законы. Разум человека – это есть не более чем формирующийся инстинкт, такой же неосознанный, как и любой другой, и, в силу своей несформированности, менее совершенный.

Однако, отмечает Соареш, в то время как найти слова, которые позволили бы определить человека как нечто, отличное от животного, является нелегкой задачей, оказывается довольно просто объяснить, чем высший человек отличается от человека обычного. Соареш приводит в качестве примера высказывание биолога Хекеля, смысл которого заключается в следующем: «намного дальше стоит высший человек (Кант или Гете, например) от обычного человека, чем обычный человек от обезьяны. Между мной, которого вряд ли можно причислить к очень глубоко мыслящим, и каким-нибудь крестьянином, несомненно, разрыв больше, чем между крестьянином и, я даже не говорю обезьяной, но например собакой. Все мы, начиная от кошки и заканчивая мной, проживаем жизнь, которая нам навязана, судьбу, которая нам дана, все мы одинаково суть производные не знаю от чего – тени жестов, сделанных другими, воплощенные следствия, последствия, способные чувствовать. Но между мной и крестьянином есть качественное различие, которое объясняется наличием у меня абстрактного мышления и бескорыстной эмоции, в то время как между ним и кошкой, в их духе, есть только различие в степени»²⁸².

Далее Пессоа-Соареш добавляет: «высший человек отличается от низшего человека и от животных, собратьев последнего, способностью к иронии. Ирония – это первый признак того, что сознание стало осознанным. Ирония проходит два этапа: первый этап был обозначен Сократом, когда он сказал: «я знаю только то, что ничего не знаю», второй – Санчесом, который сказал: «я не знаю, знаю ли я что-нибудь». Первый этап заканчивается в той точке, на которой мы сомневаемся в себе догматически, и любой «высший» человек этот этап успешно проходит. Второй этап – это тот, на котором мы сомневаемся в себе и в своем сомнении, и это удалось очень немногим»²⁸³.

В другом фрагменте «Книги непокоя» Бернардо Соареш утверждает, что единственная разница между жизнью человека и жизнью животных – это степень самообмана и незнания себя. Животные не знают, что делают: они рождаются, вырастают, живут и умирают без рефлексии, без размышлений о будущем. «Сколько

²⁸² Ibid.

²⁸³ Ibid. P. 181.

людей на самом деле живут иначе? Мы все находимся в состоянии сна, и единственная разница заключается в наших снах, в качестве и уровне наших снов. Может быть, смерть пробуждает нас, но на это тоже нет другого ответа, кроме веры (для тех, для кого верить – значит иметь), кроме надежды (для тех, для кого желать – значит владеть) кроме благотворительности (для тех, для кого давать – значит получать)»²⁸⁴.

Человек действует так же неосознанно, как кошка или собака; он способен говорить благодаря неосознанности другого уровня – уровня, при этом, гораздо более низкого, чем тот, который используют муравьи и пчелы в своей социальной жизни. И тогда, пишет Бернардо Соареш, «даже больше, чем существование организмов, больше, чем существование строгих физических или разумных законов, мне открывается разумность, которая творит и заполняет собой мир. И тогда меня приводит в восхищение старая фраза не помню какого схоласта: Бог – душа диких (*Dios est anima brutorum*). Автор этой фразой объясняет, с какой уверенностью инстинкт руководит низшими животными, в которых, как кажется, нет разумности, или есть лишь ее зачаток. Но все мы – низшие животные, и говорить и мыслить – это всего лишь новые инстинкты, менее надежные, потому что новые»²⁸⁵.

Человек, пишет Соареш, не имеет оснований считать себя выше животных, единственное отличие человека от животного, полагает он, заключается лишь в исключительно внешней способности говорить и писать, в том, что у человека есть абстрактное мышление, позволяющее ему отвлечься от конкретного, представлять то, что невозможно. Тем не менее, способность говорить и писать не приносят ничего нового в наш основной, первейший инстинкт – «жить, не зная как»²⁸⁶. Абстрактное мышление служит лишь для того, чтобы формулировать системы или идеиполусистемы, в то время как животные греются на солнышке. «Я не раз видел котов, созерцающий луну, и вполне возможно, что они хотели ее достать»²⁸⁷ – пишет Бернардо Соареш. А барон Тейве утверждал: человек, будучи интеллектуальным животным.

Человек, таким образом, – это животное, которое не знает, кто оно есть, которое ничего о себе не знает. Как отмечал Пессоа в своих философских заметках, «человек знает не больше, чем другие животные, он знает меньше. Они знают то, что им нужно знать. Мы – нет»²⁸⁸. Кроме того, считает Пессоа, трагедия человека

---

²⁸⁴ Ibid. P. 217.

²⁸⁵ Ibid.

²⁸⁶ Ibid. P. 344.

²⁸⁷ Ibid. P. 381.

²⁸⁸ Ibid.

закljučается еще и в том, что «человек борется не только за необходимое, как это делают животные, он борется за поверхностное, за преходящее – и в этом его болезнь. В борьбе за преходящее»²⁸⁹.

Человек, утверждает Бернардо Соареш, живет так же неосознанно, как и животные, так же бесцельно и бесполезно. Человек способен предвидеть смерть (а мы можем лишь предполагать, что животные этого сделать не могут, уверенными мы в этом быть не можем), но он не в состоянии сделать ничего, чтобы предотвратить ее.

Весь мир, вся жизнь, считает Фернандо Пессоа, – это огромная система бессознательности, безотчетности, управляемая индивидуальными сознаниями. И так же как происходит с двумя газами, когда между ними проходит электрический разряд и вследствие этого образуется жидкость, так же и два сознание – абстрактное и конкретное, когда через них проходит жизнь, образуют высшее бессознательное.

Счастлив тот, кто не думает, потому что то, что мы вынуждены делать отклоняясь от своей природы, следуя импульсу неорганическому или социальному, он делает следуя инстинкту и органическому импульсу. «Счастлив тот, кто в большей степени уподобляется диким, потому что он без труда является тем, для чего нам еще нужно приложить усилия, потому что он знает путь домой, который мы ищем обходными путями фантазии и возвращения; потому что имея корни, как дерево, он является частью пейзажа, а значит – красоты, а не как мы – мифы скоротечности, живые воплощения тщетности и забвения»²⁹⁰.

Мир, считает Пессоа, непознаваем, усилия, предпринимаемые человеком для познания мира, для познания себя, тщетны. «Все, кроме математики, которая имеет дело лишь с мертвыми числами и пустыми формами и поэтому может быть абсолютно логической, все остальное – лишь детские игры под покровом сумерек, попытка схватить тени птиц и остановить тени травы на ветру»²⁹¹, – говорит он устами Бернардо Соареша в «Книге непокая».

От осознания принципиальной непознаваемости мира и утверждения иррациональной, неразумной природы человека, Пессоа приходит к утверждению метафизики не-мыслия, олицетворением которой стал главный гетероним португальского поэта-философа – Альберто Каэйро, который писал: «Достаточно метафизики в недумании ни о чем // Метафизика? Какая метафизика у вот тех деревьев? // Она – в том, что они зеленые, лиственные и имеют

²⁸⁹ Ibid. P. 382.

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ Ibid. P. 215.

ветки // И дают плоды, когда придет время, и это не заставляет нас ни о чем думать // Нас, которые не умеют их замечать. // Это метафизика незнания, для чего они живут // И незнания этого незнания»²⁹².

Каэиро отказывается от рационального восприятия реальности, пытается вернуться «назад к вещам», достичь восприятия («видения»), которое является равным познанию, существования, которое является смыслом, уйти от значений к существованию, от философии – к ощущениям, увидеть мир свободным от значений, навязанных культурой и цивилизацией.

Эта метафизика незнания становится своего рода попыткой борьбы с противоречиями человеческой природы, с трагедией невозможности познания. Все творчество Пессоа, его гетеронимия как стремление посмотреть на мир с различных точек зрения, вместить в себе множество мнений, стало, в определенной мере, воплощением идеи о человеке как иррациональном, неразумном животном, тщетно пытающемся осмыслить себя и свое место в мире.

СЕЛЕКЦИЯ И СТИРАНИЕ КАК ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

С. В. Токмянина

На современном этапе мы являемся свидетелями очередного этапа трансформации социально-исторической памяти российского общества. Речь идет о принятой в 2013 году Российским историческим обществом Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории²⁹³, в структуру которой входит Историко-Культурный Стандарт, определяющий содержание школьного исторического образования. Этот программный документ представляет собой единую концепцию истории России, которая легла в основу содержания трех линеек учебников по отечественной истории для 6-х – 10-х классов общеобразовательной школы.

Коллективную социально-историческую память можно определить, во-первых, как совокупность представлений о прошлом, которая в данном обществе, в данный исторический момент становится

²⁹² Pessoa, Fernando. O Guardador de Rebanhos” // In Poemas de Alberto Caeiro. (Nota explicativa e notas de João Gaspar Simões e Luiz de Montalvor.) Lisboa: Ática, 1993. P. 28.

²⁹³ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Вестник образования. 2014. № 13.